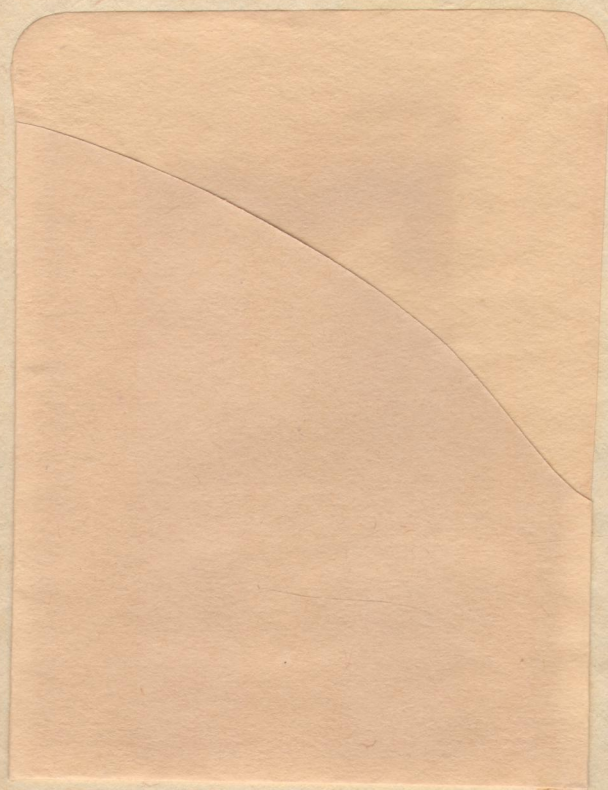
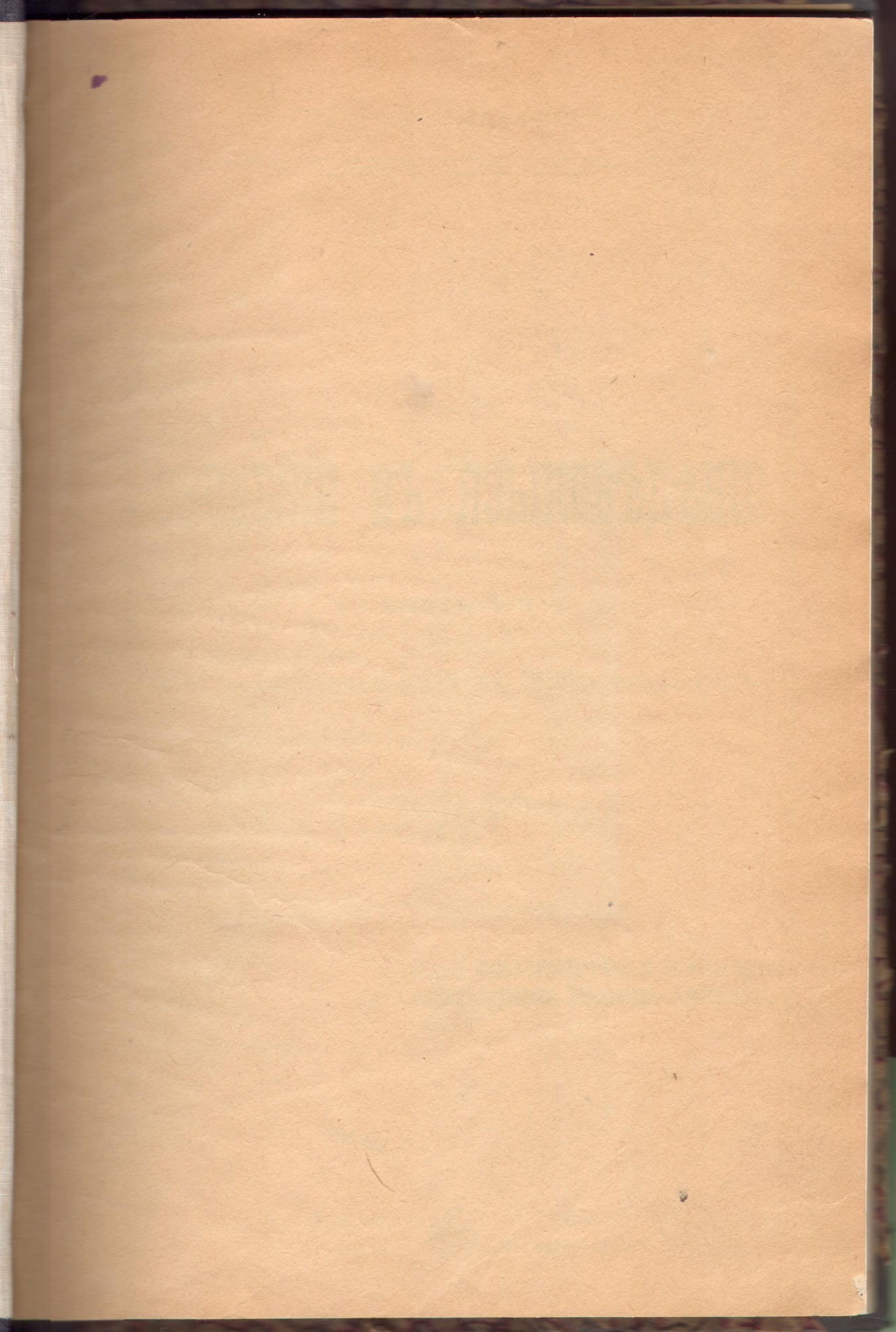

13218
13218
ПК-ХПУ
40

Х4
Э-64-В

34
Пр-доц. Эндзелинъ.

Н. А. Вишневскі

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ЯЗЫКОВѢДѢНІЕ

часть 1-я

Изъ лекцій, читанныхъ въ 1909|10 акад. году.

Изданіе Филологическаго Отдѣла Общества взаимопомощи студентовъ Харьковскаго Университета.

Типо-Литографія
С. Иванченко,

Харьковъ,
Костюринскій пер. 2.

Пр-дот. Знззцннр.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ УСПИКОРЪДНІЕ

ЧАСТЬ I-Я

Насъ лекція, изданная въ 1909 г. въ Москвѣ.

Издана въ Москвѣ въ 1909 г. въ Москвѣ.

МОСКВА

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ЯЗЫКОВѢДѢНІЕ.

Приступая къ предлагаемому курсу, я въ качествѣ пособій рекомендую на русскомъ языкѣ:

1. - Томсонъ - "Общее языковѣдѣніе" - 1906 г.
2. - Поржезинскій - "Введение въ языковѣдѣніе" 1907 г.
3. - Delbrück - "Einleitung in das Sprachstudium" -

(въ русскомъ переводѣ) въ приложеніи къ книгѣ Вулича: "Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи"; переводъ сдѣланъ съ III-го изд., которое сильно отличается отъ IV-го изданія подлинника.

Въ послѣднемъ изъ названныхъ пособій излагается исторія сравнительн. грамматики; изъ первыхъ двухъ — книга Томсона снабжена рисунками органовъ рѣчи; книга Поржезинскаго короче.

ПРЕДМЕТЪ И ЗНАЧЕНІЕ ЯЗЫКОВѢДѢНІЯ

Языковѣдѣніе, какъ явствуется изъ самаго названія, есть наука о языкѣ. Называется эта наука также и "лингвистикой" [отъ лат. *lingua*], и т. к. при научномъ изученіи какого-нибудь языка неизбежно сравненіе его съ другими языками, и изъ такого сравнительнаго изученія языковъ возникло современное языковѣдѣніе, то весьма употребительно также названіе "сравнительное языковѣдѣніе".

Обыкновенно предметомъ изслѣдованія для языковѣдѣдовъ служитъ только человѣческій языкъ, во всѣхъ

его разновидностяхъ.

Всѣ языки и говоры, даже самыхъ дикихъ и некультурныхъ племенъ, имѣютъ одинаковое право быть объектомъ научнаго изслѣдованія. Но если языковѣдѣніе - наука о языкѣ, то что же такое самъ языкъ? Въ широкомъ смыслѣ этого слова, языкомъ называютъ совокупность такихъ знаковъ мысли и чувствъ, которые доступны внѣшнему воспріятію, и которые обнаруживаются и воспроизводятся по нашей волѣ. Это опредѣленіе исключаетъ изъ понятія "языкъ", съ одной стороны, разнаго рода знаки нашей внутренней жизни, которые не могутъ быть обнаружены непосредственно, а съ другой стороны и различные произвольные рефлексы мыслей и чувствъ, какъ на примѣръ, краска на лицѣ, когда человѣку стыдно. А знаками мыслей и чувствъ могутъ служить не только слова, но также разнаго рода жесты и мимика, которыми пользуются не только глухонѣмые, но также люди, обладающіе даромъ слова. Главнымъ же предметомъ изученія для языковѣдовъ до сихъ поръ является человѣческій языкъ словъ. И примѣняясь къ нему, можно опредѣлить языкъ, какъ "средство сообщенія расчлененной мысли посредствомъ звуковъ рѣчи". Хотя и у животныхъ наблюдаются умозаключенія, но расчлененіе сложныхъ представленій на отдѣльные понятія, обнаруживаемыя языкомъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ до сихъ поръ у животныхъ достовѣрно не установлено.

Такъ какъ языкъ словъ является наиболѣе употребительнымъ и наиболѣе совершеннымъ типомъ языка, то "языкомъ" безъ дальнѣйшихъ поясненій обыкновенно и называется "языкъ словъ", и такъ и я въ дальнѣйшемъ изложеніи, гдѣ это не будетъ оговорено особо, буду подразумевать подъ языкомъ - "языкъ словъ" и подъ языковѣдніемъ - "науку о языкѣ словъ".

Вникая въ тайны этого языка, мы вникаемъ въ нашу собственную духовную природу. Языкъ вѣдь не только посредникъ въ духовномъ общеніи между людьми, но и неотъемлемая часть мышленія. И поэтому понятно, почему въ числѣ наукъ, изучаемыхъ филологами, находится и ученіе о языкѣ. Но, кромѣ того, необходимость изученія этого предмета обуславливается еще и практическими требованіями другихъ научныхъ дисциплинъ, изучаемыхъ филологами. Для правильного научнаго пониманія родного или иностраннаго языка, исторіи ихъ, художественныхъ произведеній языка, наконецъ, для рѣшенія педагогическихъ вопросовъ преподаванія языковъ, нужно, конечно, прежде всего знать природу и условія жизни и развитія человѣческаго языка вообще. Изслѣдованіемъ этихъ вопросовъ и занимается общее языковѣдніе. Несмотря на свою молодость, языковѣдніе уже успѣло занять видное мѣсто въ кругу другихъ культурно-историческихъ наукъ, благодаря точности своихъ методовъ. Не только филологъ, въ тѣс-

номъ смыслѣ этого слова, изучающій духовную дѣятельность того или другого народа, какъ классикъ, славистъ, романистъ и пр., долженъ, для научнаго пониманія или разработки языка этого народа, быть знакомъ съ извѣстными отдѣлами языковѣдѣнія; и археологъ, и историкъ, и юристъ, и этнографъ и пр. въ извѣстныхъ отдѣлахъ своей спеціальности находится въ зависимости отъ лингвистики. Одинъ изъ двухъ отдѣловъ психологіи, именно „общественная психологія“, на первомъ мѣстѣ изучаетъ дѣятельность человѣческой души, какъ она сказывается въ фактахъ языка, устанавливаемыхъ и изучаемыхъ въ языковѣдѣніи; даже практическая медицина въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, какъ напр., при леченіи недостатковъ языка, напримѣръ, заиканія, пользуется результатами языковѣдѣнія.

Указавъ на предметъ и значеніе языковѣдѣнія, я перейду къ задачамъ и методамъ этой науки. Извѣстно, что ни одинъ языкъ не остается неизмѣненнымъ; каждый языкъ постоянно подвергается видоизмѣненіямъ, какъ относительно внѣшней формы, такъ и относительно значенія отдѣльныхъ формъ и ихъ сочетаній. Правильную оцѣнку этихъ измѣненій нашли лишь тогда, когда перестали считать такіа измѣненія игрою случайностей, не поддающихся строгому учету и объясненію, т.е. когда возникло самое понятіе объ исторіи языка, какъ о преемственной связи фактовъ язы-

на каждой данной эпохи его существованія съ фактами эпохъ предшествующей и послѣдующей. Дальнѣйшія наблюденія показали, что видоизмѣненіе языка совершается до извѣстной степени закономѣрно. Отсюда понятно, какъ должна изучать языкъ наука. Именно, основнымъ положеніемъ научной методологіи должно быть требованіе изучать языкъ, представляющій смѣну явленій, въ преемственной связи этихъ явленій. Значить, общей задачей нашей науки является исторія человѣческаго языка. Подобно тому, какъ высшей, конечной цѣлью спеціальной исторіи должно быть вскрытіе общихъ условій возникновенія существованія и развитія человѣческихъ обществъ, - такъ и въ области языковѣдѣнія изученіе отдѣльных языковъ въ ихъ исторіи должно вести насъ къ познанію общихъ законовъ, опредѣляющихъ возникновеніе и дальнѣйшее развитіе языка во всѣхъ его многоразличныхъ проявленіяхъ. Взаимоотношеніе обѣихъ задачъ, - ближайшей, которая сводится къ изслѣдованію исторіи отдѣльных языковъ, и конечной, которая состоитъ въ опредѣленіи языка вообще, настолько тѣсно, что плодотворной можетъ быть только такая работа, которая, съ одной стороны, въ области конкретной дѣйствительности, производится подъ строгимъ контролемъ нашихъ свѣдѣній объ общихъ условіяхъ происходящихъ въ языкѣ процессовъ, а съ другой стороны, вращаясь въ этой послѣдней сферѣ, не по-

кидаетъ почвы реально-данныхъ намъ языковъ. Успѣхи, достигнутые наукой въ первой области, влекутъ за собою прогрессъ на пути къ достиженію высшей задачи, а прогрессъ въ этой второй области вызываетъ соответственное улучшеніе обстановки научнаго труда и его результатовъ въ предѣлахъ первой, ближайшей цѣли.

Опредѣляя языковѣдѣніе, какъ науку, изслѣдующую исторію человѣческаго языка, мы этимъ ограничиваемъ его отъ соприкасающихся съ языковѣдѣніемъ областей знанія. Такъ, психологія, очевидно должна намъ дать отвѣтъ на вопросъ, какимъ образомъ вообще появляются знаки языка, и какимъ образомъ возникаетъ связь между словомъ и его значеніемъ въ языкѣ. Прослѣдить эту связь въ отдѣльныхъ языкахъ въ ея исторіи и опредѣлить общія условія возникновенія и дѣйствительнаго существованія данной связи въ данныхъ ея формахъ долженъ уже ученый языковѣдъ. Съ другой стороны, фізіологія человѣка сообщитъ ему свѣдѣнія объ устройствѣ органовъ рѣчи и о совершаемой ими работѣ; вооружившись этими знаніями и дополнивъ ихъ указаніями отдѣла физики, называемаго акустикой, лингвистъ долженъ выяснитъ природу звуковъ рѣчи изучаемыхъ имъ языковъ, а также тѣ видоизмѣненія, которымъ подвергся данный языкъ въ періодъ его существованія, съ расширеніемъ же круга изслѣдуемыхъ языковъ, и тѣ общія условія, которыми опредѣляется видоизмѣненіе

звуковой стороны языка вообще, при чемъ окажется необходимой помощь со стороны психологіи, такъ какъ въ этой области весьма существенна роль психическаго фактора.

Какъ извѣстно, изученіемъ языка занимается и филологія. Чѣмъ же отличается лингвистика отъ филологіи. Для того, чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы должны сначала установить, что такое филологія вообще. Это наука, изучающая духовную дѣятельность народовъ, во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ: въ художественныхъ словесныхъ произведеніяхъ, въ произведеніяхъ искусства, вѣрованіяхъ, обычаяхъ, правовыхъ воззрѣніяхъ, политической жизни, экономической жизни и, между прочимъ, въ языкѣ. Такимъ образомъ, языкъ является однимъ изъ предметовъ изслѣдованія филологіи въ широкомъ смыслѣ слова. Понятно, что при филологическомъ изученіи древнихъ народовъ практическое изученіе языка ихъ стояло на первомъ мѣстѣ. Языкъ вѣдь - ключъ къ разумѣнію духовной жизни народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе языка требовало много труда и времени; поэтому подъ филологіею стали понимать преимущественно изученіе языка и памятниковъ. Этимъ объясняется, почему и сравнительное языковѣдѣніе называлось и отчасти называется у французовъ и англичанъ "сравнительной филологіей". Когда

впослѣдствіи стали изучать филологію отечественную и другихъ новыхъ народовъ, языки которыхъ изучались съ гораздо меньшимъ трудомъ, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ научное изученіе языка вырабатывалось все болѣе въ особую спеціальность, требующую особой подготовки, то поневолѣ стали смотрѣть на научное изученіе языка, какъ на особую, спеціальную область филологіи. При дѣленіи филологическихъ дисциплинъ на опредѣленныя группы руководствуются или единствомъ народа, или единствомъ филологической дисциплины. Въ первомъ случаѣ изучается культурная жизнь одного или нѣсколькихъ народовъ, по возможности всесторонне; во второмъ случаѣ имѣется въ виду только одна спеціальная сторона умственной дѣятельности народа, которая тогда изучается у многихъ народовъ. По первому способу дѣленія существуетъ у насъ, напр., спеціальность классической филологіи и спеціальность славянской [или германской, или романской] филологіи. По второму способу дѣленія возникла напр. спеціальность политической исторіи. Сюда же относится и языковѣдѣніе. По практическимъ соображеніямъ языковѣдѣніе у насъ не составляетъ самостоятельной отрасли университетскаго изученія. Но понятно классикамъ и словесникамъ нужно заниматься и научнымъ изученіемъ древнихъ или же славянскихъ языковъ, а для этого необходимо еще изученіе извѣстныхъ отдѣловъ

сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ и общаго языковѣдѣнія. | Въ виду своего болѣе общаго значенія послѣдній предметъ изучается въ нашихъ университетахъ также историками |.

- Итакъ, различіе между филологомъ и лингвистомъ не лежитъ въ основныхъ методахъ и приѣмахъ изслѣдованія; различіе это касается точки зрѣнія на изучаемый предметъ. Для спеціалиста въ области лингвистики, политической исторіи, исторіи литературы и т. д. данная сфера дѣятельности человѣчества въ ея индивидуальных проявленіяхъ въ той или иной конкретной обстановкѣ, является лишь формой, въ которую вылились общечеловѣческія стремленія и которая обязана своимъ существованіемъ условіямъ данной дѣйствительности. Его конечная задача сводится къ раскрытію общихъ законовъ развитія того или другого явленія человѣческой культуры во всемъ разнообразіи условій мѣста и времени, обуславливающихъ различія въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ. Для филолога, наоборотъ, языкъ, литература, государственный бытъ, социальныя отношенія и т. д. являются составными элементами общей культуры даннаго народа; изучая ихъ, какъ таковыя, онъ на первый планъ выдвигаетъ все индивидуальное, все частное находящее себѣ объясненіе въ своеобразномъ сочетаніи элементовъ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время.

Какъ мною уже сказано, языковѣдѣніе, въ тѣсномъ

смыслъ этого термина, имѣть дѣло съ языкомъ словъ, но оно не можетъ совершенно пренебрегать изученіемъ и другихъ средствъ, которыя служатъ для выраженія нашихъ мыслей и чувствъ. Въ частности особенно важное значеніе имѣетъ „языкъ жестовъ и мимики“, изслѣдованіе котораго проливаетъ свѣтъ между прочимъ на вопросъ о происхожденіи „языка словъ“. Важныя указанія для разрѣшенія вопросовъ, касающихся его происхожденія, можетъ быть, получатся также отъ изученія языка животныхъ, который еще пока мало изслѣдованъ.

Лингвистическое, какъ мною уже раньше сказано, рассматриваетъ факты изучаемаго языка въ ихъ преемственной связи съ фактами эпохъ предшествующихъ и послѣдующихъ, если только существуютъ послѣднія. Итакъ, основнымъ методомъ лингвистики - с р а в н и т е л ь н ы й. Путемъ сравнительнаго изученія различныхъ, засвидѣтельствованныхъ традиціей, эпохъ существованія даннаго языка и путемъ сравнительнаго изученія его говоровъ и родственныхъ съ нимъ языковъ - мы возстановливаемъ прошлое изучаемаго языка. При правильномъ примѣненіи сравнительнаго метода, наши выводы будутъ отличаться большою точностью. Для изслѣдователя исторіи того или другаго языка удобнѣе всего, конечно, имѣть дѣло съ письменными памятниками, въ которыхъ нашли себѣ отраженіе различные періоды въ жизни этого языка; но также

и при отсутствіи письменныхъ памятниковъ, языковѣдѣ въ состояніи, путемъ сравнительнаго изученія говоровъ изучаемаго языка, до известной степени возстановить прошлое этого языка. Что выводы, которые намъ даетъ сравнительный методъ, можно считать достаточно прочными, въ этомъ насъ убѣждаетъ одинъ частный случай, гдѣ мы имѣемъ возможность проверить наши построения объективнымъ путемъ. Именно, путемъ сравнительнаго изученія романскихъ языковъ, потомковъ известнаго намъ латинскаго языка, нами получают-ся такіе результаты и выводы, относительно этого романскаго праязыка, которые вполне подтверждаются известными намъ памятниками латинскаго языка. Выяснимъ это на слѣдующемъ примѣрѣ. Сопоставимъ слѣдующія слова романскихъ языковъ:

исп. <i>pera</i>		др.-фр. <i>peire</i>		<i>poire</i>		итал. <i>pera</i>
" <i>vero</i>		" <i>veir</i>		<i>voire</i>		" <i>vero</i>

сицил. <i>pica</i>		сард. <i>pica</i>		= груша
" <i>vin</i>		" <i>ven</i>		= правда.

Очевидно, что эти слова родственны между собою и восходятъ къ однѣмъ и тѣмъ же формамъ общаго порядка. И тогда какъ въ прочихъ языкахъ въ корневомъ слогѣ одинъ и тотъ же гласный, въ сардинскомъ одно слово является съ i | *pica* |, другое же съ e | *ven* |; такъ какъ мы не можемъ придумать никакой причины, по-

чему бы въ сардинскомъ *pica* возникло *i* вмѣсто *e*, или почему бы въ сардинскомъ *chem* возникло *e* вмѣсто *i*, то мы приходимъ къ заключенію, что въ сардинскомъ нарѣчій сохранились два звука романскаго праязыка, т. е. *i* и *e*, которые въ прочихъ романскихъ языкахъ совпали въ одномъ звукѣ, давшемъ въ результатѣ исп. *e*, древне-французское *ei*, итал. - *e*, сицил. *i*; и это заключеніе подтверждается фактами латинскаго языка. испанскому *pica*, древне-французскому *peche*, итал. *pica*, сицил. *pica*, сард. *pica* соответствуетъ латинское *pica* |*pīcus*| - "груша", съ *i*; испанскому же *pero*, древн-фран. *veir*, итал. *vero*, сицил. *viri* и сард. *chem* соответствуетъ латинское *velum* съ *e*.

Кромѣ сравнительнаго изученія родственныхъ между собою языковъ, языковѣдъ долженъ заниматься также сравнительнымъ изученіемъ языковъ неродственныхъ, такъ какъ всѣ языки отличаются такими общими чертами сходства, которыя объясняются сходствомъ въ общихъ условіяхъ, опредѣляющихъ возникновеніе и развитіе языка. По отношенію къ этимъ сходствамъ мы и должны изучать языки, чуждые другъ другу по происхожденію и путемъ сравнительнаго же изученія. Мы должны опредѣлить и общія между ними различія, объясняющіяся общими различіями въ той обстановкѣ, въ которой существуютъ изучаемые языки.

Ознакомившись съ задачами и методами языковѣдѣнія, перейдемъ къ вопросу на какіе отдѣлы дѣлится эта наука.

1| Во-первыхъ, мы тутъ имѣемъ дѣло съ фонетикою |φωνή - голосъ, звукъ|, которая изучаетъ составъ и исторію только звуковъ языка. 2| затѣмъ, тотъ отдѣлъ языковѣдѣнія, который изучаетъ слова въ ихъ формахъ, въ связи съ формальными значеніями словъ, называется морфологіей |μορφή - видъ, образъ, форма|. Въ школьныхъ грамматикахъ этотъ отдѣлъ часто еще называется этимологіей, между тѣмъ, какъ въ научныхъ трудахъ подъ "этимологіей" подразумѣваютъ ученіе о происхожденіи и родственныхъ отношеніяхъ отдѣльных словъ. 3| Тотъ отдѣлъ языковѣдѣнія, который разсматриваетъ формы предложеній, въ связи съ формальными значеніями предложеній, называется синтаксисомъ |ῥύθμις - построеніе, устройство|. Фонетика, морфологія и синтаксисъ объединяются подъ общимъ именемъ грамматики |ῥαυματική - наука о грамотѣ; ῥαυμα - буква, письмо|. 4| слова и сочетанія словъ въ связи съ ихъ реальными значеніями изучаетъ лексикологія |λεξικός - словарь, λέξις - рѣчь, слово|. Если въ словарѣ помѣщаются слова изъ разныхъ эпохъ языка, такъ что подъ каждымъ словомъ мы находимъ въ исторической послѣдовательности его разновидности съ соответствующими значеніями, - то такой словарь называется "исто-

рическимъ" въ отличіе отъ обыкновенныхъ практическихъ словарей, въ которыхъ даются слова и значенія только одной, обыкновенно современной, эпохи языка. Въ "этимологическихъ" же словаряхъ при помощи сравнительно-историческаго метода объясняется происхожденіе ["этимологія"] словъ. 5| Значенія словъ самихъ по себѣ изучаются семасіологіей или семантикою | $\sigma\eta\mu\alpha\tau\iota\kappa\acute{o}\varsigma$ - обозначаю |.

Обыкновенно подъ научнымъ изученіемъ языка подразумеваютъ историческое его изученіе, которое разсматриваетъ языкъ въ его измѣненіяхъ во времени и выясняетъ, какимъ путемъ изъ фактовъ предыдущихъ эпохъ постепенно образовывалгсь позднѣйшіе факты, но можно, конечно, изслѣдовать языкъ также безъ отношенія къ его прошлому и заниматься просто описаніемъ языка. Если только такая работа производится точно и тщательно, то она сама по себѣ также будетъ научной, хотя обыкновенно за нее берутся только съ практической цѣлью. Сообразно съ этимъ каждый изъ упомянутыхъ отдѣловъ языковѣднія можетъ быть или историческимъ или описательнымъ.

6| Кромѣ этихъ отдѣловъ, есть еще особая часть языковѣднія, которая называется "общимъ языковѣдніемъ" или теоріею языка. Это общее языковѣдніе занимается изслѣдованіемъ тѣхъ общихъ условій жизни и развитія языка, которыя одинаково присущи всѣмъ языкамъ.

оно задается вопросами, въ чемъ заключается языкъ, какія въ немъ дѣйствуютъ силы или факторы, какова общая природа ихъ и способъ взаимодѣйствія, какъ производятся звуки и чѣмъ объясняются ихъ измѣненія, какъ возникаютъ и измѣняются формы словъ и словосочетаній, какъ и почему происходятъ измѣненія значеній и т.д.; такъ напримѣръ, рядомъ съ исторической и описательной фонетикой отдѣльныхъ языковъ, въ общемъ языковѣдѣніи долженъ существовать такой отдѣлъ, такая общая фонетика, которая разсматриваетъ устройство органовъ рѣчи и способы производства ими звуковъ рѣчи вообще, природу звуковъ рѣчи и пр. Итакъ, общее языковѣдѣніе служитъ основой методики всякой научной работы въ области языка и также основой для методики практическаго изученія языка, такъ какъ рационально преподавать можетъ лишь тотъ, кто выяснилъ себѣ природу языка.

7| "Сравнительною грамматикою" называютъ тотъ отдѣлъ языковѣдѣнія, который разсматриваетъ исторію какой либо семьи языковъ до эпохи общаго родоначальника этихъ языковъ, который называютъ ихъ праязыкомъ. Такъ существуетъ, напримѣръ, "сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ", "сравнительная грамматика славянскихъ языковъ" и т.д. При этомъ тѣ факты, которые не дошли до насъ въ памятникахъ, восстанавливаются сравнительною грамматикою посредствомъ

сравнительно историческаго изученія соотвѣтствующихъ фактовъ, памятниковъ и живыхъ языковъ.

Теперь перейдемъ къ о б з о р у и с т о р і и
я з ы к о в ѣ д ѣ н і я.

Сравнительная грамматика была создана только въ началѣ 19 столѣтія нѣмецкими и датскими учеными. Но изученіемъ языка вообще занимались уже издавна, въ особенности тамъ, гдѣ имѣли дѣло съ языкомъ, болѣе или менѣе отличающимся отъ родного языка, если этотъ чужой языкъ былъ важенъ въ религіозномъ или иномъ отношеніи. Такъ напр., стремленіе сохранить въ чистотѣ арабскій языкъ пророка Магомета заставило магометанъ, особенно персовъ, въ точности опредѣлить этотъ языкъ. Попытки къ разрѣшенію разныхъ вопросовъ языковѣдѣнія въ старину, понятно, далеко не всегда давали надежные результаты, потому что эти попытки или исходили изъ ошибочныхъ предпосылокъ, или предпринимались не въ надлежащемъ направленіи и шли невѣрнымъ путемъ. Важнѣе всего для послѣдующаго развитія языковѣдѣнія были лингвистическія занятія древнихъ грековъ и индусовъ. Рамки и схемы традиціонной греческой грамматики держатся въ нашихъ школахъ и донныя, и сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ еще теперь пользуется нѣкоторыми терминами древне-индійской грамматики.

Древніе греки постоянно сталкивались съ чужими народами, говорившими на языкѣ болѣе или менѣе родственномъ съ греческимъ языкомъ, напр., съ иллирійцами, еракійцами, фригійцами и др., но, къ сожалѣнію, не обращая должнаго вниманія на эти языки "презрѣнныхъ варваровъ", они не попали на мысль, что сравнительное изученіе сосѣднихъ языковъ можетъ пролить свѣтъ также на прошлое ихъ собственнаго языка.

Итакъ, они занимались только изученіемъ своего родного языка, и небезуспѣшно: ихъ философы точно установили грамматическія категоріи, и ихъ грамматиками описаны діалектическія особенности литературныхъ памятниковъ. Но установленіемъ фактовъ и ограничиваются результаты ихъ дѣятельности: попытки къ объясненію ихъ не имѣли успѣха. Кореннымъ вопросомъ былъ для древнихъ грековъ вопросъ о томъ, существуетъ ли необходимая, естественная связь между формой слова и его значеніемъ, или же такой естественной связи нѣтъ, и слово получаетъ свое значеніе только въ силу условія, соглашенія и традиціи. Софисты обратили вниманіе также на нѣкоторыя другія стороны въ жизни языка; именно они стали задаваться вопросами о значеніи словъ, и намъ извѣстно, что софистъ Продикъ занимался вопросомъ о синонимахъ; полагая, что между словомъ и предметомъ, который оно обозначаетъ, существуетъ необходимая естественная

связь, онъ конечно долженъ былъ отрицать существование въ языкѣ синонимныхъ словъ. Аристотель же, къ которому восходитъ также учение о частяхъ рѣчи, пришелъ къ заключенію, что нѣтъ естественной связи между формою и значеніемъ слова. А послѣ него стоики опять утверждали, что существуетъ такая связь, хотя и признавали, что не всегда слова представляютъ точную копію представленій, и что одно и то же слово нерѣдко имѣетъ разныя значенія, между тѣмъ какъ это не согласовалось съ ихъ теоріею, по которой каждому понятію должно соответствовать особое слово. Кроме того, стоики усматривали въ тѣхъ категоріяхъ, на которыя они распредѣляли слова и формы словъ, точное отраженіе и соответствіе тѣмъ общимъ категоріямъ, которыя устанавливаются логикою, и это отождествленіе грамматическихъ и логическихъ категорій держалось вплоть до начала 19-го столѣтія. Сначала греки занимались лингвистическими вопросами, стремясь познать природу и происхожденіе языка; въ послѣдствіи однако ихъ побуждала къ этому и другая причина, именно недостаточное пониманіе гомеровскихъ поэмъ, этого національнаго сокровища грековъ, вслѣдствіе того, что греческій языкъ послѣднихъ столѣтій до Р.Хр. уже значительно отличался отъ языка Илиады и Одисеи. Помимо различій хронологическаго характера, гомеровскій языкъ вѣдь отличался своимъ древне-іоническимъ нарѣ-

зіемъ съ примѣсю эолическихъ формъ, тогда какъ язы-
вомъ образованныхъ грековъ послѣднихъ столѣтій до
Р.Хр. служило нарѣчіе аттической прозы. И вотъ, за-
нимаясь объясненіемъ и толкованіемъ гомеровскаго эпо-
са, и вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь установить, что въ ихъ
рѣчи правильно и что ошибочно, греческіе филологи
гор.Александріи положили основаніе систематической
разработкѣ греческой грамматики. Результаты ихъ ра-
ботъ были усвоены римскими грамматиками и примѣнены
ими къ латинскому языку, а по образцу латинскихъ
грамматикъ долгое время составлялись грамматики но-
выхъ языковъ Европы. Почти вся наша терминологія,
по крайней мѣрѣ, школьныхъ грамматикъ восходитъ че-
резъ посредство латинской грамматики къ эпохѣ але-
ксандрійскихъ филологовъ, т.е. къ послѣднимъ тремъ
столѣтіямъ до Р.Хр. Какъ философы прежнихъ временъ
спорили о существованіи естественной связи между
формой и значеніемъ слова, такъ въ александрійскую
эпоху филологовъ волновалъ споръ аналогистовъ и ано-
малистовъ. Аналогисты, къ которымъ принадлежалъ, на-
примѣръ, знаменитый Аристархъ, утверждали, что въ
языкѣ проявляется *ἀναλογία*, т.е. правильное соот-
ношеніе между собою, соответствіе, соразмѣрность от-
дѣльныхъ категорій. Аномалисты же | *ἀνωμαλία* - не-
соразмѣрность, неправильность | указывали на отсут-
ствіе такого соответствія въ цѣломъ рядѣ случаевъ и

на-
примѣръ,
Аристархъ
и др.
аналогисты
и др.
аномалисты

поэтому высказывались противъ попытокъ аналогистовъ построить стройную систему формъ языка. Такъ напримѣръ, греческія имена мужескаго рода на- $\alpha\varsigma$ склоняются отчасти по III склоненію | $\kappa\alpha\lambda\chi\alpha\varsigma$ |, отчасти же по I склоненію | $\varphi\epsilon\iota\delta\iota\alpha\varsigma$ |, и въ виду этого аномалисты спрашивали аналогистовъ, гдѣ же тутъ $\lambda\alpha\lambda\omicron\gamma\iota\alpha$?

Аналогисты отстаивали свою теорію ссылкой на то, что напр., $\kappa\alpha\lambda\chi\alpha\varsigma$ слово двухсложное, между тѣмъ какъ $\varphi\epsilon\iota\delta\iota\alpha\varsigma$ трехсложное (но ср. $\lambda\alpha\gamma\alpha$ - Агригентъ!).

Но единственно правильное объясненіе этого явленія получается только изслѣдованіемъ исторіи языка. Историкъ можетъ указать, что слово $\kappa\alpha\lambda\chi\alpha\varsigma$ имѣетъ основу на согласный, $\kappa\alpha\lambda\chi\alpha\upsilon\tau$ - между тѣмъ какъ слово $\varphi\epsilon\iota\delta\iota\alpha\varsigma$ оканчивается на гласный $\varphi\epsilon\iota\delta\iota\alpha$ - Споръ аномалистовъ и аналогистовъ все-таки не былъ совсѣмъ бесплоденъ: результатомъ этого спора явилась первая въ Европѣ грамматическая схема, распредѣляющая по классамъ и рубрикамъ все богатство формъ языка - Древніе индусы въ противоположность грекамъ имѣли возможность изучать только одинъ изъ прочихъ индо-европейскихъ языковъ, а именно близко родствен- ный съ санскритомъ древне-иранскій языкъ, да въ эпоху Александра Македонскаго и его преемниковъ также греческій языкъ. Но индійскіе ученые этою возможностью не пользовались. За то они изучали свой род-

Этот языкъ съ удивительной точностью. По самостоятельности, вмѣстѣ съ полнотой и многосторонностью въ изученіи своего языка древніе индійцы далеко превосходятъ грамматиковъ другихъ народовъ. Даже мельчайшія подробности произношенія не ускользали отъ вниманія индійскихъ грамматиковъ; они столь хорошо познали и установили всѣ существенныя черты санскритской морфологіи, что языковѣды нашихъ временъ во многихъ отношеніяхъ извлекаютъ пользу изъ ихъ наблюденій надъ санскритомъ. Но какъ греки, такъ и индусы не знали понятія историческаго развитія языка: чтобы объяснить то или другое явленіе языка, они не прибѣгали къ изученію языка предшествующихъ эпохъ, но къ беспочвеннымъ теоріямъ. Какъ грековъ побудило взяться за изученіе явленій языка, между прочимъ, то обстоятельство, что безъ объясненій уже трудно было понимать языкъ гомеровскаго эпоса съ его устарѣлыми формами, такъ и у индусовъ занятія языкомъ были главнымъ образомъ вызваны интересомъ къ Ведамъ, т.е. сборникамъ священныхъ гимновъ. Для правильнаго ихъ пониманія были составлены и объяснительные словари и подробные комментаріи, гдѣ не только объясняется смыслъ текста, но даются также правила произношенія. Самый знаменитый изъ индійскихъ грамматиковъ это *Pāṇini*, котораго въ настоящее время относятъ къ 4-му столѣтію до Р.Хр. Грамматика этого *Pāṇini* за

вершаетъ собою всё предствуюція работы и излагаетъ въ очень сжатомъ видѣ фонетику и морфологию санскрита. О чрезвычайной сжатости изложенія можно себѣ составить нѣкоторое представленіе по слѣдующему примѣру: правило о томъ, что то или другое окончаніе является безъ ударенія, выражается присоединеніемъ данному окончанію звука *р*; такимъ образомъ, формула *тір* показываетъ, что глагольное окончаніе I-го лица единственнаго числа настоящ. времени - *ті* не имѣетъ на себѣ ударенія | *bhavāti* | . Менѣе хорошо разработанъ синтаксисъ въ трудѣ этого *Pāṇini*.

Римскіе грамматики внесли мало новаго въ науку о языкѣ: они примѣняли къ латинскому языку то, что было установлено греческими учеными по отношенію къ греческому языку. Только въ области синтаксиса уже въ эпоху среднихъ вѣковъ нѣкоторыя рубрики были установлены точнѣе, чѣмъ въ предыдущія времена. Особый интересъ къ синтаксису, къ ученію о предложеніи и его частяхъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что грамматику стали считать воплощеніемъ логическихъ категорій, и синтаксисъ, понятно, представлялъ для этого болѣе благодарную почву, чѣмъ фонетика или морфология.

Что же касается другихъ народовъ и языковъ, то съ распространеніемъ христіанства было положено и начало письменности у принявшихъ христіанство народовъ.

измѣняются переводы Св.Писанія на разные языки Евро-
пы, но грамматической обработкѣ почти вовсе не под-
вергали народныхъ языковъ, такъ какъ эти языки въ то
время служили только орудіемъ для первоначальнаго
пріобщенія къ христіанству, между тѣмъ какъ всѣ об-
разованные и ученые люди той эпохи пользовались ла-
тинскимъ языкомъ. Въ эпоху Возрожденія интересъ къ
изученію языка сталъ живѣе, между прочимъ благодаря
тому обстоятельству, что вслѣдствіе великихъ геогра-
фическихъ открытій познакомились со множествомъ но-
выхъ языковъ. И сходство между собою нѣкоторыхъ язы-
ковъ, конечно, не могло ускользнуть отъ вниманія уче-
ныхъ того времени, и кромѣ того вѣдь въ Св.Писаніи
говорилось, что когда-то все человѣчество говорило
на одномъ языкѣ, который распался только послѣ Вави-
лонскаго столпотворенія. Имѣя въ виду это библей-
ское преданіе, ученые эпохи Возрожденія и послѣдующа-
го времени считали черты сходства между отдѣльными
языками, слѣдами того отдаленнаго времени, когда еще
всѣ люди говорили на одномъ языкѣ, и полагали, что
этотъ общій праязыкъ человѣчества еще сохранился въ
еврейскомъ языкѣ. Впослѣдствіи однако не могли не
убѣдиться, что многіе языки не представляютъ ни ма-
лѣйшаго сходства съ еврейскимъ языкомъ. Особенно
выдавались въ этомъ отношеніи языки туземцевъ Аме-
рики, отличающіеся своимъ совершенно своеобразнымъ

характеромъ. Въ виду этого одинъ ученый | *Hadrian Rulandus*, около 1700 года | пришелъ къ заключенію, что Американскіе туземцы сознательно измѣнили свои языки до неузнаваемости, чтобы ихъ враги больше не понимали ихъ военныхъ сигналовъ и команды.

Отказавшись наконецъ съ мысли о происхожденіи всѣхъ языковъ міра отъ одного и того же праязыка, ученые вмѣстѣ съ тѣмъ при сравненіи между собою различныхъ языковъ стали обращать вниманіе не только на сходство отдѣльных словъ, но и на сходство грамматическаго строя, такъ какъ сходство отдѣльных словъ часто объясняется заимствованіемъ ихъ изъ одного языка въ другой | ср. русск. комфортъ, марка | Известный нѣмецкій философъ Лейбницъ | современникъ Петра Великаго | выставилъ кромѣ того требованіе изучать не только современное изслѣдователю состояніе языковъ, но также предшествующія эпохи въ жизни этихъ языковъ. По инициативѣ этого же Лейбница вырабатывались съ вѣка каталоги, короткіе тексты и словари, въ которыхъ сопоставлялись слова разныхъ родственныхъ и не родственныхъ языковъ. Лейбницъ просилъ и Петра Великаго о собираніи такихъ матеріаловъ изъ языковъ его государства для выясненія происхожденія народовъ. При Петрѣ эта просьба не была исполнена, но за то Екатерина II принимала личное участіе въ составленіи широко задуманнаго словаря, появившагося въ 178

году въ С. Петербургѣ подъ заглавіемъ "Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею Всевысочайшей особы". Второе изданіе содержитъ переводъ нѣсколькихъ сотенъ словъ почти на 300 языкахъ Европы, Азіи, Африки и Америки. Впрочемъ уже въ древнерусской рукописной литературѣ существовало не мало словарей чужихъ и вообще непонятныхъ словъ; назывались они азбуковниками. Рядомъ съ ними существовали и подражательныя грамматическія работы, главнымъ образомъ, по церковно-славянскому языку.

Въ 18-мъ столѣтіи существовали уже въ наукѣ работы по сравнительной грамматикѣ угро-финскихъ языковъ.

Въ началѣ 19 вѣка является со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ отрасляхъ науки новая идея. Перестаютъ принимать логическія понятія за объясненія. Наблюденіе и изученіе явленій механики, физики и химіи, начатая уже греками и потомъ снова, начиная съ 15 вѣка, давали съ каждымъ годомъ все болѣе точныя и болѣе многочисленныя результаты и позволяли вѣрнѣе предвидѣть и лучше использовать дѣятельность силъ природы. Факты же, которые представляютъ организованныя существа и общества, оставались непонятными, потому что ихъ изучали, примѣняя къ нимъ апріорныя идеи, пока, наконецъ, не поняли, что и надъ ними надо производить такія же наблюденія, какъ и надъ явленіями. фи-

зики или химіи. Но явленія въ жизни живыхъ существъ и особенно обществъ довольно сложны, и въ большинствѣ случаевъ ихъ нельзя возвести къ такимъ отвлеченнымъ формуламъ, къ какимъ возводится любое явленіе физики. Производя наблюденія надъ тѣмъ или другимъ социальнымъ учрежденіемъ легко убѣдиться, что оно является продуктомъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ дѣйствій; объясненіе даннаго учрежденія, значитъ, невозможно безъ предварительнаго изслѣдованія его исторіи; это методическое изслѣдованіе предшествующихъ фактовъ представляетъ собою чуть ли не самое оригинальное изъ всего того, что намъ дало 19 вѣкъ. Въ механикѣ, физикѣ и химіи добыли безконечное множество новыхъ результатовъ, придерживаясь методовъ Архимеда, Галилея и Ньютона, но методъ самъ уже достигъ своего совершенства, и оставалось только точно примѣнить его ко всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые поддаются изученію даннымъ методомъ. Методъ же историческаго объясненія былъ созданъ только въ 19 столѣтіи и до извѣстной степени въ концѣ 18 столѣтія. Кора земли, органическія существа, общества и ихъ учрежденія стали разсматриваться какъ продукты историческаго развитія, детали котораго никогда не могутъ быть отгаданы *à priori* ; и ясный отчетъ о немъ можно себѣ составить только путемъ наблюденій и точно опредѣляя послѣдовательность отдѣльныхъ фак-

товъ, благодаря которымъ сложились изучаемые предметы. И только при помощи такихъ наблюдений теперь начинаютъ устанавливать общія теоріи относительно развитія органическихъ существъ и обществъ.

Сравнительная грамматика представляетъ собою только одну часть методическихъ изслѣдованій, произведенныхъ 19 вѣкомъ по отношенію къ историческому развитію естественныхъ соціальныхъ явленій. Сравнительная грамматика была создана, когда стали систематически сближать санскритъ съ греческимъ, латинскимъ и германскими языками. Лишь только европейскимъ ученымъ была дана возможность изучать санскритъ, немедленно признали его родство съ европейскими языками. На это родство впервые указали во II половинѣ 18 вѣка нѣкоторые французскіе и англійскіе ученые. На большое значеніе санскрита для языковѣдовъ больше всѣхъ обратилъ вниманіе нѣмецъ Фр. Шлегель своей книгою *Ueber die Sprache und Weisheit der Indier* (1808).

Знакомство съ санскритомъ въ двойномъ отношеніи оказало рѣшительное вліяніе на возникновеніе сравнительной грамматики. Съ одной стороны только Санскритъ сохранилъ въ такой степени древнія черты въ морфологіи и въ системѣ согласныхъ, что на основаніи ихъ можно себѣ до извѣстной степени составить

представленіе о грамматическомъ строѣ того общаго праязыка, отъ котораго ведутъ свое начало всѣ индо-европейскіе языки. А съ другой стороны, древне-индійскіе грамматики уже подвергли весьма подробному и точному анализу всѣ грамматическія явленія своего языка и съ результатами ихъ работъ знакомили европейскихъ ученыхъ, начиная съ начала 19 вѣка, англійскія грамматики санскритскаго языка.

Насколько санскритъ сохранилъ черты фонетики и морфологіи индо-европейскаго праязыка, языковѣды, благодаря трудамъ индійскихъ грамматиковъ, уже располагали грамматическимъ анализомъ этого праязыка, анализомъ, который былъ сдѣланъ независимо отъ греческихъ теорій и былъ способенъ возобновить лингвистическія понятія, основываясь на наблюденіяхъ надъ фактами. Первыми европейскими изслѣдователями санскрита были главнымъ образомъ англичане: просвѣщенные представители англійской „остъ-индской компаніи“ поняли, что успѣшное управленіе страной съ древнею культурою невозможно безъ основательнаго знакомства съ этою культурой. Уже въ 1786 году англійскій ученый Джанс указалъ на близкое родство санскрита съ греческимъ и латинскимъ языкомъ какъ въ корняхъ глаголовъ, такъ и въ грамматическихъ формахъ, высказывая при этомъ мнѣніе, что эти языки ведутъ свое начало отъ одного языка, который, можетъ быть, самъ

не существуетъ. Въ началѣ 19 вѣка однако руко-
водящая роль въ изслѣдованіи Индіи перешла отъ англи-
чанъ къ нѣмецкимъ ученымъ, которые и теперь еще игра-
ютъ первенствующую роль не только въ изученіи Индіи,
но и въ языковѣдѣніи вообще. Я уже указалъ на книгу
Шлегеля, рекомендовавшую изученіе языка и литерату-
ры древнихъ Индусовъ. А первымъ ученымъ, который на-
учно доказалъ исконное родство древне-индійскаго,
греческаго, латинскаго, германскихъ и др. языковъ
былъ нѣмецъ Францъ Боппъ [род. въ 1791 г.]. Имъ была
въ 1816 г. создана сравнительная грамматика индо-ев-
ропейскихъ языковъ книгою «Ueber das Konjugations-
system der Sanskritsprache in Vergleichung
mit jenem der griechischen, lateinischen, per-
sischen und germanischen Sprache».

Чтобы доказать родство указанныхъ языковъ, нельзя
было ограничиться указаніемъ на сходство отдѣльных
словъ, такъ какъ сходство словъ часто объясняется за-
имствованіемъ: нужно было установить сходство грам-
матическаго строя, и къ этой задачѣ и приступилъ Боппъ,
начиная при этомъ со спряженія глаголовъ. Но сопо-
ставленіе соотвѣствующихъ другъ другу грамматиче-
скихъ формъ упомянутыхъ языковъ было для Боппа толь-
ко средствомъ; главною же цѣлью его было объяснить
происхожденіе грамматическихъ формъ, устанавливая
наиболѣе древній ихъ видъ. Уже въ этой первой сво-

ей книгѣ онъ, напримѣръ, объясняетъ происхожденіе санскритскаго будущаго времени на - *ya* - такъ, что къ глагольному корню, напр., *tap*-изъ праиндо-европейскаго $\sqrt{tap}$ прибавляется форма вспомогательнаго глагола *as* - *|es|*, которая здѣсь сократилась въ *s*, суффиксъ же *ya* выражаетъ форму будущаго времени; *ti* въ данномъ случаѣ флексія 3 лицо единственнаго числа *tap-s-ya-ti* = сожигающимъ будетъ он". Сравненіе извѣстныхъ намъ языковъ давало Боппу средство восходить къ первоначальному примитивному состоянію при которомъ грамматическія формы еще настолько прозрачны, что легко поддаются анализу и объясненію. Въ этомъ отношеніи Боппъ еще является человѣкомъ 18 вѣка. Онъ стремился познать самое начало языка, междѣмъ какъ дальнѣйшая разработка созданной имъ науки показала намъ, что доступно нашему познанію только историческое развитіе языка.

Какъ Колумбъ открылъ Америку, тогда какъ онъ искалъ новаго пути въ Индію, такъ и Боппомъ была создана сравнительная грамматика, въ то время какъ онъ самъ старался объяснить происхожденіе формъ общаго праязыка. Получивъ въ 1821 году профессуру въ Берлинѣ, Боппъ тамъ продолжалъ свои изслѣдованія и установилъ, что къ индо-европейской семьѣ языковъ принадлежатъ также языки славяно-балтійскіе, кельтскіе, армянскій, албанскій и языкъ Авесты. Въ 1833

появился I-й выпускъ его „Сравнительной граммати-
ки санскрита, зенда, греческаго, латинскаго, литовскаго, гот-
скаго и нѣмецкаго языковъ“; въ заглавіе II тома томъ-
же также старо-славянскій языкъ. Несмотря на боль-
шую проницательность и разносторонность изслѣдованій
Боппа, послѣ него оставалось еще много задачъ. Его
личная заслуга заключается въ томъ, что онъ,
удерживаясь установленныхъ фактовъ и избѣгая не-
опредѣленныхъ обобщеній, возобновилъ этимъ изученіе
языковъ. Не отдавая себѣ яснаго отчета о своемъ ме-
тодѣ, онъ могъ впасть въ такія заблужденія, что счи-
талъ индо-европейскими также языки малайскіе и языки
Кавказа, которые, за исключеніемъ осетинска-
го и армянскаго языковъ, не имѣютъ ничего общаго съ
индо-европейскими языками. Онъ занимался почти исклю-
чительно морфологіей, особенно же анализомъ склонен-
ія и спряженія. Изученіемъ же фонетики и господ-
ствующихъ въ ней звуковыхъ законовъ, значенія грам-
матическихъ формъ и построенія предложеній, т.е. син-
таксиса - онъ пренебрегалъ. На долю его послѣдовате-
лей выпала задача изучать въ подробностяхъ развитіе
каждаго отдѣльнаго языка, создать фонетику и синта-
ксисъ и отказаться отъ беспочвенныхъ разсужденій о
началахъ языка. За эту громадную работу взялись еще
послѣ жизни самого Боппа, лишь только появились его
труды.

Одновременно съ Боппомъ и независимо отъ него, датскій ученый Раскъ пришелъ къ заключенію о родствѣ германскихъ языковъ съ греческимъ, латинскимъ и славяно-балтійскими языками и изложилъ эти свои взгляды въ трудѣ, законченномъ уже въ 1814 г., но напечатанномъ лишь въ 1818 г. подъ заглавіемъ: "Исслѣдованія въ области древне-скандинавскихъ языковъ" [на датскомъ языкѣ]. Раскъ уступаетъ Боппу въ томъ отношеніи, что онъ не пользуется важными данными санскритскаго языка, но онъ не пытается объяснить происхожденіе грамматическихъ формъ общаго праязыка: онъ довольствуется установленіемъ факта, что формы скандинавскихъ языковъ болѣе или менѣе точно соотвѣтствуютъ греческимъ и латинскимъ формамъ, и съ этой точки зрѣнія, его книга производитъ впечатлѣніе, болѣе научнаго и менѣе устарѣлаго труда, чѣмъ труды Боппа.

Между тѣмъ, какъ Боппъ, пренебрегалъ общими идеями, занимаясь разработкой отдѣльныхъ фактовъ языка, его современникъ Вильгельмъ Гумбольдтъ напротивъ въ своихъ трудахъ излагаетъ почти исключительно общія идеи. Помимо того, что онъ, пользуясь своими вліятельными личными связями и занимая въ Пруссіи постъ министра народнаго просвѣщенія, лично оказывая поддержку достойнымъ представителямъ языковѣдѣнія, - онъ своими научными трудами также направлялъ работы языковѣдовъ. Исходя, въ противоположность прежнимъ из-

исследователямъ, отъ идеи, что языкъ есть постоянно воз-
буждающаяся дѣятельность чловѣческаго духа |ἐνέργεια|, а не просто разъ изготовленное орудіе |ἔργον|, онъ, усматривалъ въ языкѣ каждаго народа характерное для него проявленіе его умственной дѣятельности, и поэтому полагалъ, что каждый языкъ самъ по себѣ является достойнымъ предметомъ изслѣдованія.

Такъ какъ преобразование лингвистики было дѣломъ представителей германскаго племени, то вполне естественно, что новыми методами стали пользоваться прежде всего при изученіи германскихъ языковъ. Въ 1819 году нѣмецкій ученый Яковъ Гриммъ выпустилъ I-й томъ своей „Исторической грамматики нѣмецкаго языка“. Какъ Боппомъ была создана сравнительная грамматика, такъ Я. Гриммъ далъ первый образецъ исторической грамматики, представляя тщательное описаніе цѣлой группы близко родственныхъ между собою нарѣчій, начиная съ древнѣйшихъ ихъ памятниковъ. Но роль воѣхъ тѣхъ факторовъ, которые вліяли на развитіе языковъ въ грамматикѣ Гримма еще не выяснена; это скорѣе сборникъ наблюденій, чѣмъ объясненій; но законы такъ называемаго "передвиженія звуковъ" |*Lauteverschiebung*| были уже открыты и изложены сперва Раскомъ, а потомъ Гриммомъ. Дѣло въ томъ, что, какъ отмѣтилъ тотъ и другой, въ родственныхъ языкахъ соответствуютъ тѣ согласныя, что въ германскомъ языкѣ. Такъ да-

тинскому c [= по произношенію K] соотвѣтствуетъ въ нѣмецкомъ h [= придыханіе], напримѣръ лат. centum [чит. kentum], нѣм. hundert; canis - hund; лат. g соотвѣтствуетъ въ нѣмецкомъ K, лат. gustare нѣм. kosten [= отвѣдывать]; латинскому h [= придыханію] въ нѣмецкомъ соотвѣтствуетъ g л. hostis [= чужой, врагъ], нѣм. gast [= чужой гость]. Указаніе на закономерность этихъ передвиженій было первымъ примѣромъ и образцомъ фонетическихъ законовъ, на познаніи которыхъ основана вся современная лингвистика.

Pott, который былъ моложе Боппа, сталъ изучать этимологию словъ, отличаясь при этомъ своимъ знакомствомъ со множествомъ языковъ. Одновременно съ II изданіемъ сравнительной грамматики Боппа, т. е. 1833 г., вышло первое изданіе перваго тома *Etymologische Forschungen*. Поттъ понялъ, что этимология безъ точныхъ правилъ о соотвѣтствіи звуковъ сравнительныхъ языковъ - только пустая игра и заявляетъ по этому поводу, что въ лабиринтѣ этимологіи б у к в а является болѣе надежною руководительницею чѣмъ значеніе слова, часто подвергающееся весьма радикальнымъ измѣненіямъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что данное Гриммомъ изложеніе фонетическихъ преобразованій въ германскихъ языкахъ одно уже болѣе имѣетъ значенія, чѣмъ нѣсколько философій языка.